

Жун Жо замер, прикусив палочку для еды, и посмотрел на Чу Фэя — во взгляде его сквозила такая детская, неземная беззащитность, что сердце невольно дрогнуло.

— Старший брат Чу действительно хочет это знать?

Цзян Ехун, стараясь не смотреть на него, поспешно уткнулся в свою тарелку. Он ухватил кусок курицы, но тот оказался на редкость безвкусным. Мясо было нежным, но совершенно пресным — впрочем, роженицам именно такая диета и полагалась. Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как Цзян Ехун поперхнулся. Куриная косточка застряла в горле, лицо мгновенно налилось пунцовым цветом. Жун Жо, заметив неладное, тут же подскочил к нему, помогая откашляться.

Наконец Цзян Ехуну удалось выплюнуть злосчастную кость. Он жадно ловил ртом воздух, чувствуя, как по спине катится холодный пот. Ну и позорище! В прошлой жизни задохнулся, подавившись грецким орехом, неужели в этой его добыёт курица? Окажись он сейчас в Диюе перед Янь-ваном, его бы на смех подняли все окрестные черти.

— Старший брат Чу, выпей воды, — Жун Жо с беспокойством протянул ему чашку.

Цзян Ехун сделал внушительный глоток. В горле всё ещё неприятно саднило.

— Не обращай внимания, ешь давай. Этот суп...

Он снова залился краской, вспоминая слова посыльного. «Интересно, что этот парень наговорил Жун Жо, когда передавал еду?» Цзян Ехун решил, что лучше не спрашивать, иначе кусок в горло не полезет. Он поспешно наполнил чашу Жун Жо наваристым бульоном.

— Ну как, нравится? Если не по вкусу, я закажу в другом месте.

— Старший брат Чу так заботится обо мне, — Жун Жо улыбнулся, и в его мягком взгляде на миг промелькнуло лукавство. — Еда отличная, разве что немного пресновата. Теперь понятно, почему тот юноша сказал, что этот суп варят специально для женщин после родов.

Цзян Ехун снова поперхнулся и застучал ладонью по столу, заходясь в кашле.

— Ты... ты не принимай это близко к сердцу! Я... я и понятия не имел, что их куриный бульон... Нет, я хотел сказать, лавочник уверял, что его можно пить всем, а не только...

Жун Жо невинно захлопал ресницами:

— О чём это ты, старший брат?

«Чем больше оправдываешься, тем подозрительнее это звучит», — Цзян Ехун готов был отвесить себе пару оплеух. Лучше бы вообще молчал.

— Ешь уже...

Неловкость повисла в воздухе тяжёлым облаком. О том, что еда безвкусная, Цзян Ехун больше не вспоминал — он просто механически жевал, мечтая провалиться сквозь землю. Наконец Жун Жо отложил палочки и прервал затянувшееся молчание:

— Старший брат, есть подвижки в деле?

Цзян Ехун мгновенно посерьёзnel, возвращаясь в рабочее русло:

— Я допросил У Шуня и Чао Шэна. Оказалось, в поведении У Юя было много странностей. Они оба твердят, что он жил у У Хуэйюнь, но та запрещала ему выходить на улицу. Странно другое: даже дома его почти никто не видел. Еду ему просто оставляли под дверью. Кстати, в комнате У Юя, под кроватью, я нашёл несколько марионеток для театра теней. Подозреваю, что, когда он всё-таки сбегал из дома, он вешал их на окна, чтобы создать иллюзию своего присутствия. К тому же, сплетню о том, что он пропадает в игорных домах, пустила сама У Хуэйюнь. Никто из слуг его там не видел.

Цзян Ехун снова подлил Жун Жо супа и продолжил:

— И ещё новости. Братья, которые ездили к озеру Яоху, вернулись. Суй Вань и её сын погибли много лет назад. А это значит, что У Юй, которого приютила У Хуэйюнь, — вовсе не сын Суй Вань и Цуй Ина. Обычный самозванец, которого она наняла, чтобы выманить деньги у знатных родственников.

— Возможно, — тихо произнёс Жун Жо, — этот «ложный У Юй» тоже никогда не существовал как отдельная личность.

— Что ты имеешь в виду?

Жун Жо слегка склонил голову набок, и на его губах заиграла загадочная улыбка:

— «Не выходит из дома, а если и дома, то его не видно». О чём это говорит? О том, что его там просто не было. Ему нужно было поддерживать свою вторую личность, вот они с У Хуэйюнь и разыграли этот спектакль.

Цзян Ехун нахмурился, пытаясь ухватить ускользающую мысль:

— Вторую личность? Но ведь У Юй, по слухам, был как две капли воды похож на покойного

принца-консорта. Если бы он разгуливал по городу под другим именем, его бы всё равно узнали.

— Вот именно, — кивнул Жун Жо. — Старший брат, если Сюй Вань с сыном погибли ещё одиннадцать лет назад, откуда У Хуэйюнь могла знать, как выглядит выросший ребёнок?

Цзян Ехун замер. Действительно. Одиннадцать лет назад мальчику было всего восемь. Как У Хуэйюнь могла предсказать, во что превратится его лицо спустя десятилетие?

— Значит...

— Значит, внешность этого У Юя — плод воображения У Хуэйюнь, подстроенный под черты лица покойного фума. Его лицо — подделка. И если я не ошибаюсь, под этой маской скрывался Го Цзянь. Ему нужно было играть роль сына, чтобы помогать матери.

Туман, застилавший разум Цзян Ехуна, наконец рассеялся.

— Вот оно что! Теперь всё сходится. Го Цзянь — родной сын У Хуэйюнь, они годами действовали сообща. Ему нужно было выступать с театром теней и заботиться о Го Цзыфане, поэтому «У Юй» не мог часто показываться на людях. Одной загадкой меньше, но остаются другие. Признание Гу Цзицы звучит слишком натянуто. Да и Фу Юдао... тот вообще несёт какую-то околесицу.

— А что насчёт Гу Мэнъи? — спросил Жун Жо.

— Гу Мэнъи... — Цзян Ехун нахмурился. — Сегодня я видел её, и она показалась мне... пугающей. В нашу первую встречу она выглядела такой хрупкой, будто и муравья раздавить не в силах. А сегодня я застал её за колкой дров. Она махала топором так уверенно и чётко, а голос стал холодным, словно лезвие. Было полное ощущение, что передо мной другой человек.

Жун Жо погрузился в раздумья.

— Старший брат, возможно, мы с самого начала попались на удочку обмана. Мы привыкли видеть в ней жертву, измождённую годами издевательств. Мы решили, что у неё просто не хватит сил убить У Хуэйюнь, а потом затащить тело на чердак и вздёрнуть на балке.

— Ты подозреваешь её? Но... — Цзян Ехун засомневался. — С её телосложением провернуть такое действительно невозможно.

— Но посмотри на других подозреваемых, — продолжал Жун Жо. — Го Цзянь и У Хуэйюнь годами обирали поместье и принцессу. Они были заодно, связаны узами крови. У Го Цзяня не было ни единого повода убивать мать. К тому же, его алиби на тот вечер наверняка подтвердится.

Цзян Ехун кивнул:

— Согласен. Признание Гу Цзицы — липа. Если он и взял на себя вину, то только ради того, кто ему дорог. Но...

Жун Жо на мгновение замер, глядя в чашу с супом.

— Старший брат, у меня есть одна идея.

— Какая?

Жун Жо таинственно улыбнулся:

— Способ увидеть истинное лицо Гу Мэнъи.

Ночью Цзян Ехун затаился на крыше напротив дома Чао Шэна. Занятие, надо сказать, было малоприятным: ночной холод пробирал до костей, а черепица впивалась в колени. В комнате Чао Шэна всё ещё теплился свет. Первым погасло окно Гу Мэнъи. Спустя время затих и дом её соседа.

Вдруг дверь комнаты Гу Мэнъи скрипнула. Девушка вышла во двор, пошатываясь. Её руки и ноги подрагивали в неестественном ритме, точно у ожившей марионетки, которой управляет неумелый кукольник. Она судорожно схватила топор, лежавший у поленницы. Тяжёлое лезвие с противным скрежетом потащилось по земле.

Из дома выскочил Чао Шэн:

— Госпожа Гу! Госпожа Гу, что с вами?..

Девушка медленно, со скрипом повернула голову. На её лице застыла жуткая, искажённая гримаса. Она оскалилась в безумной улыбке и, дёргаясь всем телом, двинулась на мужчину. Чао Шэн в ужасе попятился и рухнул на землю.

— Госпожа Гу... помилуйте...

Гу Мэнъи зашлась в беззвучном, конвульсивном смехе и замахнулась топором.

Цзян Ехун тенью метнулся с крыши. Сталь его меча с лязгом встретила обух топора в волоске от головы Чао Шэна. Девушка с яростью воззрилась на ловца и снова нанесла удар — на этот

раз целясь в него. Цзян Ехун едва успел уклониться. Топор обрушился на землю с такой чудовищной силой, что у него онемело предплечье от одной лишь вибрации. Откуда в этом теле такая мощь?

Гу Мэнъи безумно расхохоталась. Она двигалась как одержимая, нанося удары один за другим. Цзян Ехун лишь уходил с линии атаки, не решаясь ударить в ответ. Он просто не мог заставить себя поднять руку на ту, кого считал несчастной сиротой.

Наконец он поймал момент, резко ударил её ногой под колено. Гу Мэнъи рухнула на одно из них. Ловким движением клинка Цзян Ехун выбил топор из её рук и отбросил его подальше в сторону. Девушка бросилась на него с кулаками, но он перехватил её запястье и резко вывернул.

Короткий вскрик боли — и она обмякла, завалившись на бок. Глаза её на миг остекленели, а когда она снова сфокусировала взгляд, в нём не осталось ничего, кроме растерянности. Она в ужасе посмотрела на Цзян Ехуна, затем на дрожащего Чао Шэна.

— Что случилось? Почему я здесь? Я...

Чао Шэн забился в угол, не в силах вымолвить ни слова. Гу Мэнъи баюкала ноющее запястье.

— Я опять ходила во сне? Старший брат Чао Шэн, неужели я... неужели я причинила тебе боль?

Она была готова разрыдаться, и Цзян Ехун видел: она не притворяется. Но что же тогда произошло минуту назад? Разве лунатизм превращает людей в кровожадных монстров?

Во двор ворвался Чжао Чэнь с отрядом стражников. Следом из тени вышел Жун Жо.

— Гу Мэнъи, когда ты «ходишь во сне», ты ведь теряешь сознание, не так ли?

Девушка сжалась в комок, обхватив себя руками.

— Я... иногда я просто проваливаюсь в темноту. А прихожу в себя в странных местах. Мне говорили, что это болезнь, меня запирали на ночь... но иногда, проснувшись, я видела, что замки сломаны. Я не знаю... клянусь, я не знаю, как это происходит!

Она рыдала, и в её голосе звенела искренняя правда.

— Где ты была в день убийства У Хуэйюнь? — мягко спросил Жун Жо.

Гу Мэнъи замерла. Её зрачки расширились, слёзы мгновенно высохли, а взгляд стал тяжёлым и хищным. Цзян Ехун инстинктивно притянул Жун Жо к себе, закрывая спиной. В ту же секунду девушка, точно дикий зверь, бросилась на них. Чжао Чэнь и четверо ловцов едва успели навалиться сверху, прижимая её к земле.

Она извивалась под ними, оглашая двор хриплым, утробным рыком:

— Убью! Всех убью! Зарублю, сожгу дотла!

Жун Жо осторожно коснулся плеча Цзян Ехуна. Тот нехотя разжал объятия. Юноша подошёл к беснующейся девушке и посмотрел ей прямо в глаза:

— Это ведь ты убила У Хуэйюнь?

Лицо Гу Мэнъи, искажённое судорогой, пошло красными пятнами. Она оскалилась:

— Ну и что с того?! Разве эта тварь не заслужила смерти?

Цзян Ехун не верил своим ушам.

— Как это возможно? Она сейчас...

— Она — тоже Гу Мэнъи, — с оттенком печали произнёс Жун Жо. — Просто другая её часть.

— Две души в одном теле? — Цзян Ехун нахмурился. — Одержимость?

Жун Жо покачал головой:

— Нет. Это как две стороны одного зеркала. Та, что мы знали — светлая и слабая. А эта — тень, рождённая из боли. Обычно она спит глубоко внутри, но если страдания становятся невыносимыми, тень выходит наружу. Имена разные, но плоть одна.

Гу Мэнъи разразилась безумным, торжествующим смехом:

— Мы всегда были вдвоём! Она была слишком трусливой, чтобы дать отпор, и тогда появилась я. Она не могла отомстить за смерть родителей, но я... я смогла!